

Альберт КРИВЧЕНКО

первый губернатор Амурской области (1991–1993),
член Союза российских писателей

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

С Борисом Черных я познакомился, когда ему было уже за шестьдесят. До этого слышал, что есть такой известный писатель, наш земляк, но то были ничем не подтверждённые слухи. На вопрос «что он написал?» никто из местных книголюбителей ответить не мог. А таких «известных», не имеющих книг, в нашей стране всегда было пруд пруди. Даже если есть у него одна-две неплохие книги, какой же он местный, раз давно порвал всякую связь с малой родиной и в течение нескольких десятилетий глаз сюда не казал?

Но вот в году 1997-м (или чуть позже) прошёл слух, что Борис Иванович Черных на родную землю всё-таки вернулся. И вернулся на большую должность – стал советником губернатора по вопросам культуры.

Я в то время заканчивал книгу «Схватка над пропастью. Записки губернатора», из деревни выезжал редко, с областной властью не общался. Но вот в самом начале 2001 года журнал «Амур наш батюшка» опубликовал сокращённый вариант этой книги, состоялась её презентация, на которой я и увидел впервые Бориса Ивановича, услышал критику в свой адрес – он назвал меня конъюнктурщиком.

Началась дискуссия. Те, кто уже успел прочитать книгу (два-три человека), стали возражать, но Борис Иванович стоял на своём, хотя книги ещё не читал. В чём он увидел «конъюнктурщину», я так и не понял.

Однако это было ещё не всё. Потом он разразился статьёй, в которой рассказывал, как с десятков лет назад группа историков проплыла по пути первых муравьёвских сплавов. Учёные и среди них он – писатель Борис Черных постоянно приставали к берегу, беседовали с людьми, рассказывали о присоединении Приамурья к России. А добравшись до Благовещенска, встретились с губернатором.

Глава области Альберт Кривченко Борису Черных не понравился. Человек ограниченный, амбициозный, он, как показалось Борису Ивановичу, меньше всего думал о благополучии своей области, его мысли были заняты какими-то другими заботами.

Прочитав всё это, я был озадачен. Не оценками автора, нет. Меня смутило, что я совершенно не помнил ту встречу. Уж о чём о чём, а о муравьёвских сплавах я знаю не меньше любого историка, поэтому экспедицию по следам первых казаков встретил бы как дорогих гос-

тей. Но такой встречи не было. Тут Борис Иванович что-то напутал.

Ещё через некоторое время мы встретились один на один. И стали друзьями. Нет, нет, не заклятыми врагами, а именно друзьями. Все недоразумения разрешились. Оказалось, что экспедиция сплавлялась по Амуру летом 1993 года, когда губернатором области уже был Сурат, а он такого же роста, такой же комплекции, тоже тёмный, лысоватый. Поскольку статья писалась через десять лет после события, Борис не стал копаться в старых записях, а спросил у знающих людей, кто тогда был губернатором, вот ему и назвали мою фамилию. Человеческие же качества Сурата Черных описал очень точно...

К этому времени он уже прочитал и мою «Схватку над пропастью». Мнение о ней у него изменилось. Это была моя девятая или десятая книга, но до сих пор я не имел ни одной рецензии на них. Борис Иванович исправил ситуацию.

Ну а потом я познакомился и с его творчеством. Стало понятно, почему в советское время никто из наших земляков не читал книг Бориса Ивановича – они тогда были запрещены. Мало того, его даже упекли в концлагерь¹ за антисоветскую агитацию, которую усмотрели в книгах писателя.

Скажу сразу: то, что создал Черных, заслуживает самой высокой оценки². Я бы даже назвал его работу гражданским подвигом писателя: он сохранил для потомков живые голоса тех реальных крестьян, по которым прошёл безжалостный каток сталинской коллективизации.

О том, как проходила коллективизация, в нашей литературе по сей день существует две версии. Одна – официальная, озвученная самими большевиками. Она утверждает, что это был триумф сталинской аграрной политики. Мол, крестьяне с энтузиазмом откликнулись на призыв партии и чуть ли не строем, с песней ринулись в колхозы.

Эту версию поддержал такой выдающийся писатель, как автор «Тихого Дона» Михаил Шолохов – кстати, единственный из советских писателей. Увы, его мощной

¹Колонию строгого режима. – *Примеч. ред.*

²Имеется в виду произведение «Старые колоды. Историческое исследование по истории колхозного строительства». – *Примеч. ред.*

поддержки оказалось достаточно, чтобы многие десятилетия потом советская школа затуманивала головы подрастающего поколения шолоховским романом «Поднятая целина».

По этому роману выходило, что коллективизация в СССР проводилась даже лучше, чем утверждала официальная пропаганда. Взять, например, такой факт. Официально сообщалось, что в 1929 году в стране было коллективизировано чуть меньше 100 процентов крестьянских хозяйств. А у Шолохова в Гремячем Логе все 217 дворов вступили в колхоз за два месяца. Людей охватил какой-то единый «могущественный» порыв, и это кого — казаков! Что тогда говорить о крестьянах.

Но вот листаем статистический справочник о социально-экономическом положении СССР в 1935 году. Там приводятся цифры, которые говорят о том, что за всё время коллективизации, включая 1935 год, коллективизировано было лишь 61,5 процента крестьянских хозяйств, а остальные по-прежнему оставались единоличными.

Этот справочник, как и вообще все цифры ЦСУ за первую пятилетку, были засекречены. Жесточайшая цензура, неусыпная охрана заповедной зоны 1929–1933 гг. могущественными ОГПУ-НКВД, прямой контроль партийных органов за работой писателей, журналистов, историков не позволяли иным точкам зрения на происходившие тогда события пробиваться в печать, литературу, кино и т. д.

Решительно пресекалась и утечка из деревень устной информации. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицын вспоминает, что в одном из лагерей он встретил заключённого, которому дали большой срок лишь за то, что тот принародно спросил у первого секретаря райкома партии, почему в их колхозе семь лет ничего не платят за работу. Такая реакция властей на малейшее проявление народного недовольства надолго заставила крестьян держать язык за зубами.

С таким «молчанием» довелось столкнуться и мне, когда в 70-е годы собирал материал для книги о сельском хозяйстве. Удивительное дело: о всех других событиях люди помнили хорошо, а как только речь заходила о создании колхозов, у них сразу отшибало память. Тогда я никак не мог понять причину такого явления и лишь потом, встретившись с Борисом Ивановичем, разобрался, что к чему.

Я спросил у него, очень ли запирались люди, когда речь шла о создании колхозов? Да нет, говорит, было всё как обычно. Оказывается, главным «рассказчиком» был сам председатель колхоза, а за ним потянулись и все остальные. Словом, в 70-е Борис Иванович напал на золотую жилу, которую ещё никто из писателей не разрабатывал.

Книгу он решил написать документальную, публицистическую — не о вымышленных героях, как у Шолохова, а о реальных людях, с подлинными именами, адресами, ни на йоту не изменяя и не подправляя факты. Поэтому и жанр своего повествования определил соответственно — «Хроники».

Вскоре, однако, Черных заметил, что к его личности пристально присматриваются работники КГБ и про-

куратуры. Он ещё не закончил работу, а в этих органах уже знали примерное содержание будущей книги. Их люди прошли по следам автора и выяснили, с кем и о чём тот говорил, какие изучал архивы.

То, чем занимался писатель, по мнению чекистов, могло потянуть на хорошую статью уголовного кодекса. Но и Черных оказался не лыком шит. Как ни старались сыщики, найти спрятанный машинописный текст книги так и не смогли. А на нет в принципе и суда нет.

Но расправа над инакомыслящими для тогдашней власти считалась делом святым. Несколько лет за писателем велась каждодневная слежка, против него собирался компромат. Однако заполучить удалось лишь показания нескольких свидетелей, что, мол, Борис Иванович неоднократно в кругу писателей, учителей, молодёжи осуждал колхозно-совхозный строй. Только в том и состояла его вина. Но на основании этих показаний человека отправили на пять лет в лагерь за... антисоветскую деятельность³.

С таким маниакальным упорством партия охраняла тайну 1929–1933 годов вплоть до своей кончины. Лишь благодаря горбачёвской перестройке, накануне распада СССР, Черных смог найти независимых издателей и напечатать свои произведения. Когда сегодня их начинаешь читать, становится понятно, почему КПСС-НКВД-КГБ так боялись правды о коллективизации.

Она для них была точно нож к горлу, потому что на самом деле в деревне тех лет не наблюдалось никакого «могущественного порыва», якобы увлекшего крестьян в колхозы, а, наоборот, имели место массовое сопротивление «околхозиванию» сельского населения, поголовное нежелание мужиков отдавать неизвестно кому и за чем всё, что у них было. Советская власть добивалась желаемого исключительно с помощью насилия, перед изощрённостью которого меркло всё, что творилось на Руси во все времена её истории.

Вот о чём узнаём мы из книги Бориса Черных. «В 1929 году угнали отца на лесозаготовки, он застудил там печень и умер, мать осталась с четырьмя детьми, — рассказала писателю жительница приангарского села Евгеньевка Ефросинья Шолохова. — Два старших брата, Борис и Ефим, говорят: “Управимся, мама, без колхозу. Мы большие”. А на нас раз — и план наложили. Мы всё, что смогли, сдали. И вот слух: “Красная метла по дворам пойдёт”. Братя спрятали два последних мешка ржи, но на печке у нас сохло полкуля. Думаем: скажем, это всё, что осталось. Не отберут, думаем, последнее. Появились, вверх дном всё подняли, нашли рожь в кулях и ту, что на печке сохла, забрали. Алексей Аксютец даже зёрнышки смёл с лежанки. Тянули до лета на одной картошке. А летом мать говорит: “Пойдём в колхоз, чо делать? А то план снова принесут”».

Такой конфискационный «план» с первых дней коллективизации государство начало использовать в ка-

³Основанием для осуждения стало проведение заседаний литературно-этического семинара «Товарищество», а также создание и распространение машинописного журнала «Литературные тетради». — *Примеч. ред.*

честве главного «аргумента» в пользу колхозов. Но и он далеко не всегда срабатывал. В селе Микитаево колхозница Марья Нестеренко поведала автору: «Вызвал моего отца в сельсовет уполномоченный и спрашивает: “Какую цифру выбираешь – 24 или 350?” Отец молчит. А уполномоченный: “Ты, я вижу, прикинулся непонимающим. Разъясняю: в колхозе налог 24 рубля в год. А не пойдёшь в колхоз – плати сразу 350 рублей. До утра даю тебе срок на думованье. Утром сам не придёшь, мы явимся с описью”. Тятя уполномоченному ответил: “Пойду старуху в колхоз уговаривать. Где такие деньги, 350, взять?” Уполномоченный одобрил тятю, а тятя не домой пошёл, а по дворам и до ночи собрал эти 350 рублей, в долг... И вот утром уполномоченный на двор, а тятя ему на протянутой руке несёт деньги и говорит: “Ноги чтоб твоей не было возле дома моего”. Тот выиграл, а сделать ничего не может. В следующий раз принесли нам похлеще сумму».

Сумма следующего налога действительно была хлёсткой – 1000 рублей. И приносили этот «план» не раз в год, а каждый месяц. После трёх-четырёх таких налогов многие безропотно шли в сельсовет и писали под диктовку уполномоченного: «Я, такой-то, учитывая преимущество коллективного хозяйства перед единоличным, прошу принять меня...» и т.д.

Вот это был «могущественный порыв»!

И всё же, несмотря ни на что, оставалось немало непокорных. В деревне Евгеньевка Борису Ивановичу рассказали такой случай:

«Поступил в сельсовет указ взыскать с Пахома Казакевича налог 1000 рублей (раз он не хотел идти в колхоз. – А.К.). Пахом не дрогнул, продал скот и зерно и внёс налог. Через месяц обложили его ещё на 1000 рублей. В неистовстве мужик продал дом, перешёл жить в баню. Зимой перекантовался. Весной у него отобрали полосу (земли. – А.К.) и последнего молодого жеребёнка. Пахом лёг на лавку в бане и перестал выходить на улицу... Отказался от пищи (то есть объявил голодовку. – А.К.). К лету Пахома не стало».

Поступок, конечно, из ряда вон выходящий, рассчитанный на цивилизованную власть. Однако в Европе большевиков не зря называли и «людоедами», и «крокодилами» (об этом сам Ленин говорил на одном из форумов). На них приёмы, вроде применённого Пахомом Казакевичем, не действовали, даже если бы голодовку объявил не один, а тысяча, сто тысяч, миллион человек. От голода, вызванного в 1932–1933 гг. коллективизацией, умерло семь с лишним миллионов человек – и ничего. Поэтому в большинстве случаев мужики до крайности не доводили. Лишившись земли, скота, инвентаря, упёртые упрямцы шли на заработки в город, плотничали по сёлам, работали на станциях, но от жизни не отказывались. Однако и в колхозы не вступали ни под каким видом.

После этого всем понятно, чем рисковал Борис Иванович, упорно работая над правдивой книгой о коллективизации. Посему то, что он сделал, я и называю гражданским подвигом писателя.